

²¹ Или «палеотомизма». Интересно, что отечественные исследователи и Маритена (К.В. Бандуровский) и Жильсона (С.С. Аверинцев) готовы причислить как к неотомизму, так и «палеотомизму». См., напр.: Аверинцев С.С. Между средневековой философией и современной реальностью. // Жильсон Этьен. Избранное. – Т. 1: Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. – М.; СПб., 1999. – С. 478; Бандуровский К.В. МАРИТЕН // Новая философская энциклопедия в 4 т. – Т. 2: Е-М. – М., 2001. – С. 495.

Матющенко В.С.

МИГРАЦИИ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

(Рецензия на книгу: Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А.

«Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы».

– Владивосток: Дальнаука, 2013. – 428 с.)

Рассматриваемая монография является результатом совместного исследования двух российских ученых – Юлии Викторовны Аргудяевой и Амира Александровича Хисамутдинова. Научные интересы Ю.В. Аргудяевой концентрируются в области традиционной и современной этнографии русских, украинцев и белорусов, этносоциологии, исторической демографии, гендерной антропологии восточнославянского населения Дальнего Востока России, в том числе конфессиональных групп русских Дальнего Востока (старообрядцы, молокане, духоборцы), русских эмигрантов в Китае (крестьяне-старообрядцы и казаки) и др. А.А. Хисамутдинов исследует вопросы, связанные с экономической, политической и исторической ролью России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе с проблемами русской иммиграции в Китае, Корее, Японии и США. В данной работе ученые объединили усилия в области изучения миграции старообрядцев в Турцию, Китай и Америку. Они провели комплексное исследование на основе междисциплинарного историко-культурно-географического синтеза: описали и сравнили жизнедеятельность общин русских старообрядцев в различных странах, рассматривая эти общины как части всей русской диаспоры американского региона.

В современной гуманитарной науке активно изучаются национально-культурные процессы, происходящие в России, стремление к сохранению и возрождению нравственных основ и духовных ценностей. На примере русских старообрядцев авторы показывают способы решения внутринациональных, межнациональных, межрелигиозных, межэтнических и этнокультурных проблем. Впервые в отечественной этнографии они задались целью выполнить комплексное исследование истории русских старообрядцев, эмигрировавших в зарубежные страны. Исследователи выявляют основные факторы их адаптации в условиях чуждой культурной, языковой и конфессиональной среды; обращают внимание на зарождение и развитие общин старообрядцев, на основные направления их жизнедеятельности, особенности хозяйственного уклада и материальной культуры, семейно-брачные отношения, культурные пристрастия, социальную жизнь, связи между общинами и т.д. На основе живых свидетельств и архивных документов авторы стремятся проанализировать способность староверов к адаптации в инокультурной и иноэтнической среде, выявить традиционные хозяйственные, бытовые, общественные и семейные уклады в их жизни и проследить их трансформацию в условиях пребывания в иноэтническом обществе. Авторы анализируют историю социальных процессов на уровне русской старообрядческой диаспоры, отдельно взятых общин и на уровне личности. В процессе миграции происходит частичная утрата традиционного российского уклада. В этой связи авторы продолжают исследовать проблемы традиции, идентичности, механизмов самоидентификации, этноадаптационные процессы¹.

Многолетняя работа авторов в области истории старообрядчества и русской эмиграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе дала возможность охватить широкие географические и хронологические рамки исследуемого вопроса. Авторы формулируют причины раскола в Русской православной церкви, соотнося их с политическими, культурными и социально-экономическими условиями того времени. Краткий экскурс в историю возникновения старообрядчества дает возможность изучать монографию людям не подготовленным, ранее не знавшим о существовании староверов. Исследование миграции старообрядчества авторы начинают с истоков – с XIII в., когда староверы спасались от жестоких преследований царской власти и господствующей Церкви. В результате сложных миграционных процессов (как добровольных, так и принудительных) в разных регионах России сформировалась основа трех этнокультурных групп эмигрантов-старообрядцев («турчане», «синьцзянцы», «харбинцы»). Эти группы отражали региональные варианты хозяйственно-культурного типа, сложившегося под непосредственным влиянием местных природно-климатических, социально-экономических, демографических и культурных условий. Подобное, но более усложненное явление зафиксировано авторами и в зарубежных старообрядческих диаспоральных образованиях.

Формирование русского населения и старообрядческих общин в южной части Дальнего Востока России началось во второй половине XIX – начале XX вв. и связано с переселением восточно-славянских народов (русских, украинцев, белорусов). Процесс формирования старообрядчества на востоке страны прошел несколько этапов в условиях смены различных формаций. По мнению авторов, это наложило отпечаток на социально-экономическое и духовное развитие староверов и отразило их сложную этнорегиональную историю.

Исследуя хозяйственную деятельность старообрядцев, авторы отмечают, что старообрядцы имели разные этапы и темпы адаптации в Дальневосточном регионе. Их адаптация была обусловлена конфессиональными установками, региональным происхождением, степенью использования опыта местных коренных народов и т.д. Следствием высокой степени адаптации стало непризнание строго этнических традиций, главной стала принадлежность к «истинной вере». Несмотря на замкнутость старообрядческих общин, последние сыграли существенную роль в хозяйственном освоении Приморья и Приамурья. Но сложившиеся этнопсихологические и традиционные установки, стереотипы мышления старообрядцев отчасти мешали им в полной мере воспринять рациональные методы хозяйствования других живущих здесь земледельческих народов. Авторы заключают, что дальневосточные староверы использовали все ресурсы региона, занимались комплексным ведением хозяйства, опирались на принесенные ими традиции русских и заимствованные от аборигенных народов.

Рассматривая этнорегиональные процессы и историко-культурные связи русских с другими народами в основных элементах материальной культуры, авторы приходят к выводу, что взаимовлияние старообрядцев, коренных и пришлых народов в Приамурье и Приморье позволило староверам успешнее адаптироваться к местным условиям, обогатило традиции каждой этнокультурной группы. В семейной обрядности наблюдается совершенно иная ситуация: здесь сохраняется общеславянская традиция, на основе которой формируется локальная обрядовая культура.

Изучив миграции старообрядцев внутри страны, исследователи переходят к изучению эмиграции староверов в Китай. Основной причиной ее авторы называют политику советской власти («твердые задания», «раскулачивание», кооперирование и коллективизация), которая противоречила желанию старообрядцев сохранить свой хозяйственный и религиозный уклад.

В США авторы изучали преимущественно три региональные группы старообрядцев, получившие название по месту выхода: «турчане» (из Турции), «харбинцы» (из Маньчжурии), «синьцзянцы» (из Синьцзяна).

«Турчане» – потомки некрасовцев, донских казаков-старообрядцев, мигрировавших из России в XVIII в. по политическим и религиозным причинам в Турцию, а в 1963 г. – из Турции в США. Пребывание более двухсот лет в иноэтническом, иноязыковом и иноконфессиональном окружении повлияло на традиционную культуру этой группы русского населения. Бытовая культура некрасовцев к началу XX в. представляла собой сочетание русских традиций и новаций, воспринятых ими от окружающих их народов в новых исторических и иноэтнических обществах.

«Харбинцы» – дальневосточные старообрядцы-поповцы Белокрыницкой иерархии, мигрировавшие в Китай после установления на Дальнем Востоке советской власти. Основная часть поповцев локализовалась в г. Харбине, несколько общин беспоповцев было образовано в Трехречье. Авторы дают подробную характеристику старообрядческих общин и поселений, ими основанных.

«Синьцзянцы» – старообрядцы-беспоповцы (часовенные), проживавшие ранее на территории Алтая и бывшей Томской губернии и переселившиеся в провинцию Синьцзян в XX в.

Авторы исследуют брачно-семейные отношения в указанных группах старообрядцев и заключают, что староверы стойко сохраняли традиционный уклад, несмотря на многие проблемы, связанные с нехваткой невест, высокой смертностью и др. Бытовой и хозяйственный уклад жизни старообрядцев в Маньчжурии и Синьцзяне доносится до читателя посредством воспоминаний самих староверов.

В 1945 г. в северные районы Маньчжурии вступили советские войска. Часть староверов вернулась в СССР, другая продолжила свой путь на Запад (в Австралию и Америку). Последние две главы монографии повествуют о переселении старообрядцев в Северную и Южную Америку.

Переселение староверов в Южную Америку было сопряжено со многими проблемами, связанными с нехваткой материальных средств, отсутствием документов, бюрократическими проволочками и т.д. Тем не менее с помощью «русских американцев» (в частности Всемирной организации церквей) староверы прибыли в страны Южной Америки – Бразилию, Уругвай, Аргентину, Парагвай, Чили. О жизни старообрядцев в странах Южной Америки мы можем судить по воспоминаниям самих староверов. Пребывая в этих странах, староверы стараются сохранить свои традиции. Во многих аспектах хозяйственного, бытового и религиозного уклада у них это получается, но, как отмечают авторы монографии, полностью уклониться от влияния внешнего мира и цивилизации они не могут.

Рассказывая о жизни старообрядцев в Северной Америке, авторы отмечают их предпринимательскую деятельность (рыболовство, фермерство). Исследователи подробно описывают одежду староверов, предметы интерьера, домовые постройки, семейный быт и обрядность. Авторы выделяют проблемы, с которыми староверы столкнулись на новом месте жительства. Среди них – незнание языка судового делопроизводства, обязательное светское образование и др. Но в итоге эти проблемы были успешно разрешены.

Авторы выделяют некоторые механизмы сохранения идентичности старообрядцев – язык, бытовой и семейный уклад, конфессиональная принадлежность и др. Исследователи приходят к выводу, что адаптация русских старообрядцев к американской жизни происходит медленно, они изо всех сил сопротивляются вхождению в американскую культуру, но, несмотря на это, процесс адаптации развивается. Так, старообрядцы разви-

вают традиционное искусство, но вышивка у них уже не ручная, а механическая.

В заключительных параграфах авторы рассматривают брачно-семейные отношения у русских старообрядцев на американском континенте, семейный и общественный быт, семейные обряды (родильные и свадебные обряды). Сделан вывод о том, что современная традиционная культура русских старообрядцев американского происхождения является региональным вариантом русской культуры. На американском континенте к началу XXI в. сформировалась специфическая этническая общность, объединившая черты традиционной русской и англоязычной культур. В заключение авторы намечают перспективы дальнейших исследований.

Особое внимание заслуживают источники и литература, использованные при написании работы. Авторами исследовано огромное количество монографий и статей, посвященных изучению старообрядчества, как на русском, так и на иностранных языках. Введение в научный оборот источников, хранящихся в различных архивах, характеризует работу как исключительно глубокую. Крайне важен материал, собранный в результате полевых исследований, в процессе общения с носителями старообрядческой традиции – это ценный источник, позволяющий восстановить достаточно полную картину миграции и жизни старообрядцев в принимающих странах. В монографии богатый фотоматериал и приложение, в котором приведены песни, исполняемые старообрядческой молодежью.

¹ Ранее эти вопросы освещались в работах: Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. – Владивосток: ДВО РАН, 2008. – 400 с.; Матющенко В.С. Дис. ... канд. филос. наук. – Благовещенск, 2009. – 225 с. и др.